

8. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. №2. — С. 12-25.
9. Митин И.И. Мифогеография [Материалы к словарю гуманитарной географии] / Гуманитарная география. Вып. 2. — М.: Ин-т наследия, 2005. — С. 347-348.
10. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — М.: Наука, 1989. — 546 с.
11. Троценко А.В. Легенды города Святой Екатерины. — Тернополь: Изд-во «Крок», 2012. — 324 с.
12. Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. № 2. — P. 266-276.

С.Н. Третьякова

АРХАНГЕЛЬСК. ГОРОД НА КРАЮ ЕВРОПЫ

Любой исторический город несет в себе те или иные следы своего прошлого. Это памятные места, архитектурные сооружения, старые названия и т.п. Но это могут быть и культурные коды, знаки, символы, образы. Н.П. Анциферов главным в понимании города считал познание его «души» на основе единства его исторического развития, природы, архитектурного пейзажа, духовной жизни. Душу города можно почувствовать через его «запахи, звуки, краски, формы, игру света и тени, пространство» [1]. Признаем ограниченность восприятия города как «цельного культурно-исторического организма» иностранными посетителями, но одновременно это и «свежий» взгляд со стороны, подмечающий главное и необычное. Поэтому наблюдения иностранцев, несмотря на свойственные им недостатки, позволяют создать *образ(ы)* города.

Значительное число описаний дореволюционного Архангельска принадлежит перу английских авторов. В результате экспедиции Уоллоби-Ченслера 1553 г., когда англичане появились в Белом море, были установлены дипломатические и торговые отношения между Москвой и Лондоном. Поэтому Архангельск для англичан был особым городом и те из них, кто прибывал сюда в XIX – начале XX вв., имели определенное представление об истории города. Журналист У. Диксон утверждал, что «порт и город Архангельск обязан своим рождением английской авантюре, а процветанием – английской торговле». А свя-

щенник А. Бодди даже в названии своей книги [4] отразил, что это путешествие по древнему торговому пути от Арктического моря до Москвы. Поэтому понятен интерес англичан к Архангельску.

Но, как часто бывает, реальность оказывалась иной. Так для английской дамы (не назвавшей своего имени), которая побывала здесь в середине XIX в., город не оправдал ожиданий. «Архангельск, который хотя и является столицей губернии и главным портом на Севере России, никоим образом не соответствует ожиданиям иностранца, который видел только крупные буквы, напечатанные на карте». Город представлял собой длинную улицу из мрачных деревянных домов, в основном темно-серого или черного цветов, с ярко белыми оконными рамами и дверьми. Единственно сносными зданиями были (как во всех русских провинциальных городах) правительственные учреждения, гимназия и церкви. «Более жалкого места, которое именует себя *городом*, невозможно представить» [6, с.19]. Население Архангельска составляло примерно 25 тыс. человек, включая иностранцев и чиновников. Это было «ужасно унылое место», как его характеризует автор.

Внешние описания города у всех авторов довольно похожи. Представьте, предлагает Диксон читателю, «огромное зеленое болото вдоль берега темной широкой реки, с глиняными холмами, выходящими тут и там на поверхность из торфа и трясины; поместите на эти возвышения глины здания; раскрасьте здания фресками, увенчайте их куполами и крестами; поместите в пространство между церквами и монастырями стены и доски, чтобы разграничить землю для садов, улиц и дворов; проведите две прямых линии длиной три-четыре мили от Кузнечевской церкви к монастырю св. Михаила, соедините эти линии и реку дюжиной проездов; раскрасьте стены церквей и монастырей белым цветом, а купола зеленым и голубым; окружите деревянные дома садом; поставьте герань и олеандр на каждое окно; оставьте растущую на улицах траву – и вы получите Архангельск». Автор выделил центральную часть, где «живописной группой» располагались общественные здания: пожарная вышка, кафедральный собор, городской совет, суд, дом губернатора, музей. Здания новые, но выглядят грубо. Коллекция в музее бедная, позолота на соборе богатая [5, с. 26].

В 1910 г. в Архангельск прибыл молодой британский писатель С. Грэхем, чтобы совершить путешествие по Русскому Северу. Он описывает Архангельск как красивый город, вытянувшийся на семь верст в длину, со множеством церквей, на золоченых куполах которых играет солнце. Дома и тротуары сделаны из «некрашенных и грубо обделанных сосновых бревен» [7, с. 11]. Предприниматель А. Летбридж также отмечает, что Архан-

гельск, вместе с пригородом Соломбала, в действительности состоит из одной длинной улицы – Троицкой, которая протянулась на расстоянии семи миль [8, с. 34].

Сравним вышеприведенные характеристики с описанием Архангельска, сделанного голландцем К. де Бруини в самом начале XVIII в. «Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не свыше четверти часа. ... Что до зданий, все дома этого города построены из дерева, или, лучше сказать, из бревен, необыкновенно на вид толстых, что кажется чрезвычайно странным снаружи для зрителя. Однако же есть и хорошие дома внутри, снабженные порядочными покоем, в особенности принадлежащие иностранным купцам. ... Улицы здесь покрыты ломаными бревнами и так опасны для проходящих по ним, что постоянно находишься в опасности упасть. Вдобавок в городе находятся беспорядочно разбросанные развалины домов и бревна после пожара. Но снег, выпадающий зимою, уравнивает и сглаживает все» [2, с. 39-41].

Пространство города формировалось природным ландшафтом, в котором главное место отводилось Северной Двине. Грэхем сравнивает ее с Темзой (Двина в три раза шире, чем Темза, чище и быстрее), а Диксон – с Миссури (такие же низкие зеленые берега и острова). Двина – это главная транспортная артерия. В описаниях авторов: «свистят беспрестанно пассажирские пароходы, отправляющиеся к островам Белого моря или прибрежным селениям, вверх и вниз по реке буксиры тащат целые острова сосновых бревен» [7, с. 11]. По реке идет «сплав плотов древесины и плашкоутов, заполненных овсом или рожью», содержимое в Архангельске перегружают на иностранные суда, а сами плашкоуты затем разбирают и тут же продают [5, с. 23]. Проплывают мимо местные барки безвкусно раскрашенные. Их грубые украшения походили на китайские джонки — в форме змеи, рыбы, грифона и других подобных существ, мачты украшены красными вымпелами, развивающимися на ветру. Тяжелые одномачтовые суда с квадратными парусами напоминали саксонские лодки тысячекратной давности на старых открытках. Их груз состоял из жира, овчины, необработанных шкур, неприятные запахи которых доносило ветром. Лодочник, чисто русской расы без примеси татарской крови, в живописной одежде, пел монотонную и печальную песню [6, с. 18-19].

С реки открывается вид на город, точнее Архангельск смотрит на Двину. Плывая вдоль города, Грэхем видит: кафедральный собор, сады, домик Петра, старую городскую тюрьму с черными обгоревшими стенами и пустыми окнами (видимо речь идет о разрушенной части Гостиных дворов), красивые пригороды, где живут немцы.

Река и соединяла, и разделяла. Попастъ в город можно было только по воде – морем или рекой, и даже те путешественники, кто приезжал по железной дороге Вологда-

Архангельск построенной в конце XIX в., сталкивались с этой проблемой, так как дорога доходила только до левого берега. В сам город нужно было переправляться вновь через Двину. Когда же начинался ледоход, то приходилось ждать, либо рисковать. Англичанка пишет о ледоходе на Северной Двине как об очень впечатляющем зрелище, которое не сравнить по силе с ледоходом на Неве [6, с. 223]. Огромные льдины причудливой формы, сокрушая все на своем пути, рвутся на морской простор. Иногда льды несут с собой какое-нибудь суденышко или вырванные с корнем деревья. Нередко происходят и несчастные случаи.

Вода (река, море) и лес давали жизнь городу, но они же несли и главную ему угрозу. Город не раз горел. Все авторы, прямо или косвенно, упоминают о таком бедствии для деревянного города как пожар, видят их следы. А весной, когда лед тает, то Соломбалу («деревню на воде») затапливает, и жители вынуждены передвигаться на лодках. Из-за ледохода приходилось каждое лето строить новый мост, чтобы соединить город и Соломбальский остров (заметим, что стационарные мосты в городе появились только во второй половине XX в.).

Город возник как крепость и порт, в том месте, где можно было «наблюдать за иноземцами и вести торговлю». Архангельск, как поясняет Диксон, является единственным русским морским портом России. Астрахань — это татарский, Одесса — итальянский, Рига — ливонский, а Гельсингфорс — финский порты. Ни один из этих выходов к морю не является по настоящему русским. Завоеванные мечом, они таким же образом могут быть и потеряны. Но это не будет большой бедой для России, уверен автор, так как Архангельск является ее единственной дорогой к морю, выходом к северным водам. Это выход, «данный ей Богом и который не может быть забран человеком» [5, с. 27].

Архангельск отличался от большинства провинциальных городов тем, что был космополитичен. Это порт, переполненный судами всех национальностей, чувствуешь, что находишься «на верхушке Европы», пишет Грэхем. Помимо торговцев и моряков, приплывающих каждую навигацию, в городе постоянно проживало много иностранцев, ставших русскими поданными. Исторически здесь сформировалась своя Немецкая слобода.

Одним из главных притягательных мест в городе была Набережная, на которой «кипит жизнь; грузят лес, выгружают рыбу, на деревянных пристанях женщины моют треску. Мерно ударяя веслами, плывут из деревень, расположенных по ту сторону реки, девушки. Пристани кишат паломниками, разыскивающими суда, идущие в Соловецкий монастырь. На рынке около сотни лавчонок толкуются норвежцы, шотландцы, а на прилавках лежат та-

кие странные товары, как пирог с треской, посуда из березовой коры, трубки из рыбной кости, изображение святых, тряпье для бедных богомольцев» [7, с.11].

Летбридж также был согласен, что самым интересным местом для гостей является рынок и его окрестности. Рынки Парижа, Лондона и Рима далеко уступают ему по живописности. Рынок, или как его называют, базар, начинается в середине улицы и спускается вниз, к воде, затем заворачивает за угол и продолжается снова. Церковные колокольни и мачты качающихся рыболовных судов образуют фон. Здесь можно найти практически все. Но наиболее интересными товарами для иностранца были сделанные из бересты — плетеная обувь, корзины всех размеров, большие корзины с крышками (короба), которые носят крестьяне, резные коробочки, сделанные долгими зимними вечерами [8, с. 35-36]. Автор купил плетеный короб, который напоминал ему о домашней атмосфере Архангельска.

Бодди, естественно, отметил, что на рынке продают изображения святых (*Sviatye Obraza*), выполненные на дереве или бумаге для простых крестьян, и дорогие массивные иконы в ризах.

В описаниях иностранных авторов неизбежно возникает образ сакрального пространства. Путешественников поражало множество церквей, разноцветных куполов и золотых шпилей. Такое скопление религиозных зданий, считает Диксон, не имеет никакой пропорции с количеством жителей. Если смотреть издалека, то купола и башни Архангельска, скорее, создают ему вид некоего священного восточного города, чем торгового места [5, с. 26-27].

Но при этом Летбридж высказывает мнение, что красивых церквей в Архангельске нет (большинство иностранцев придерживаются сходного мнения). Лишь одна небольшая церковь была очень трогательна – часовня, сооруженная на пристани в Соломбале на пожертвования моряков. Внутри ему запомнилась большая аллегорическая картина, изображающая как дева Мария помогает спасать тонущих моряков. Видно, что морская тематика в городе встречалась повсюду. Кроме того, автор не любил заходить в небольшие церкви из-за запахов овчины и трески, исходящих от северных мужиков, так как даже пустая церковь продолжала «благоухать» этими ароматами [8, с. 34-35; 9, с. 191].

По наблюдениям Бодди любимым святым у русских является св. Николай, покровитель моряков и детей (Санта-Клаус), и всех людей в целом. О св. Николае пишет и Диксон, отмечая, что он почитается всеми русскими, но с особенным пылом в этих северных широтах. Здесь это святой мореплавателей и помощник путешественников. Его имя и образ в этой северной пустыне встречается чаще, чем где-либо еще. Что нашло свое отражение и в

топонимике местности – Никольский рукав Северной Двины, Никольский остров в дельте, его имя носит старейший монастырь в этом районе [5, с. 21].

Своеобразными символами опасной и тяжелой жизни северных моряков были деревянные «мемориальные» кресты, поставленные по случаю спасения или гибели мореплавателей вдоль морского побережья и устья Двины. Их не могли не заметить путешественники, предпринимавшие плавание по Белому морю.

В городе летом собиралось множество паломников из разных мест, чтобы попасть Соловецкий монастырь. Посадка пилигримов, в их грязных разноцветных одеждах, представляла примечательную «картину жизни за кулисами цивилизованной Европы», так же как и само судно, принадлежащее монастырю. Вся его команда, начиная с капитана до юнги, состояла из одних монахов. «Длинноволосые, в синих старомодных подрясниках, перехваченных у талии поясом, они представляли живописную картину» [7, с. 11-12].

Бодди обратил внимание на то, что повсюду на улицах или при входе в общественные здания можно видеть большую икону с горящей перед ней лампадкой, и крестьянина, молящегося перед ней [4, с. 47]. Эту черту Архангельска подметил и Летбридж. «Снаружи многие здания украшены большими святыми картинами, перед которыми постоянно горят лампадки. Спешащая толпа находит время остановиться, люди благоговейно шепчут молитву и крестятся, прежде чем продолжить свой путь» [8, с. 34].

Сакральным было само имя города, названного в честь св. Михаила Архангела. Отметим, что в английском языке город так и именуют — *Archangel*. Диксон поясняет, что город назван по Михайло-Архангельскому монастырю, но название слишком громоздкое, поэтому русские моряки сократили его до последнего слова. Англичане оставили бы первую часть — Св. Михаила, рассуждает Диксон, но русские избегают использовать имя «предводителя небесного воинства». Для них Михаил не является обычным святым, он архангел, величайший из небесных сил, ему посвящают монастыри и церкви, например главный собор в Москве, а Михаил и так подразумевается, а кто еще это может быть? [5, с. 28].

Возможно, завершает Диксон свое описание Архангельска и его истории, с западной точки зрения в Архангельске слишком много куполов, с западной точки зрения город – это «склад овса и смолы, досок и шкур», но для местных жителей — это «дом архангела, порт Соловков, ворота Бога». А Грэхем именно на Севере увидел наиболее яркое воплощение образа «Святой Руси».

Авторы выделяют два имени в истории города — Ивана Грозного, по указу которого город был основан, и Петра I, который был здесь несколько раз. Однако время от этих эпох почти ничего не оставило. Напоминают о пребывании Петра I в этих местах крест, постав-

ленный царем в честь спасения на берегу моря и перенесенный позже в кафедральный собор, а также домик Петра I.

Другой известной для иностранцев личностью, связанной с Севером, был М.В. Ломоносов. Они знают, что «жители здешнего края произвели на свет гениального мальчика-крестьянина Михаила Ломоносова», правда, воспринимают его в первую очередь как «великого русского поэта». Некоторые даже посетили его родину. Диксона очень удивил памятник Ломоносову, установленный в Архангельске, который изображал поэта в античном стиле. Он недоумевает, подчеркивая несоответствие между «сыном моряка, писавшем поэмы на русском языке» и его образом поэта в античной тоге, а также неуместность такого памятника в «городе монастырей и торговли» [5, с. 196]. Остальные авторы обошли своим вниманием этот действительно необычный памятник, который тогда располагался в самом центре города.

Образ жизни города определяли два времени года – лето/зима (белые ночи/темнота). Грэхем приехал в Архангельск с юга России, в край, где «в течение двух месяцев в году стоит непрерывный день и в течение двух месяцев тянется бесконечная ночь», когда летом «в час ночи можно читать с той же легкостью, как и в час пополудни». Именно летом городская жизнь бурлила. Совершенно другое впечатление город производил на путешественников, которые оказывались в нем в зимнее время.

Обратимся еще раз к запискам англичанки, которая провела здесь зиму, длившуюся, по ее словам, почти восемь месяцев. Она рисует картину «спящего» города. Было очень тоскливо, и поддерживала лишь надежда, что лето когда-нибудь все равно наступит. Очень страдала от низкого неба, коротких дневных часов, а сильный холод замораживал всю энергию. И постоянно вспоминала «очаровательную Англию». Но так как бесполезно было бороться против этих несчастий, пришлось «покориться судьбе». Жить приходилось преимущественно при свете свечей. Монотонное существование иногда разнообразилось поездками на санях или чопорным балом у губернатора провинции. Некоторым развлечением стал приезд в Архангельск нескольких самоедов, которые «пришли из своей далекой страны, чтобы избежать суровости своего холодного климата. Условно говоря, Архангельск для них был Неаполем, так как здесь ртуть замерзает *только иногда*» [6, с.19-20]. Но и она, при всем своем скептицизме, иногда не могла скрыть своего восхищения красотой зимних (но все-таки монотонно белых) пейзажей.

Летбридж дает примерно такую же характеристику зимнего города, правда с большей долей симпатии. «Зимой на улицах лежат высокие сугробы, а река покрывается льдом. Солнце показывается всего на несколько часов, и Архангельск спит. В клубах купцы бес-

конечно играют в карты, а крестьяне дремлют на печах, пока не придет весна». Зима это и время общения, когда каждый стремится познакомиться с кем-то еще, поговорить о делах, бизнесе, успехах и неудачах, совсем как в большой семье. Когда наступает апрель, появляются первые признаки жизни. Лед тает и ломается, на Северной Двине начинается ледоход. «Архангельск протирает глаза, зеваает, потягивается и просыпается». В маленьком парке всю ночь играет оркестр, кафе переполнены людьми и даже птицы чирикают и щебечут при неестественном свете белых ночей. Лето такое короткое, что природа «вынуждена работать сверхурочно, чтобы произвести прекрасное впечатление» [9, с. 187-188].

Правда в отношении суровости северной зимы автор пытается развеять устойчивый миф. В Англии само слово «Архангельск» вызывает в воображении вид людей «с красными носами, укутанных в меха и дрожащих». Некоторые представляют, что и в июле здесь «неприятно холодно». В действительности же, это распространенное мнение является ошибочным, утверждает Летбридж. Реальность совсем другая, в Архангельске редко бывают холода, в то время как летом часто жарко [8, с. 2]. Но вот Диксон рассказы о замерзших во льду иностранных кораблях в Белом море в разгар лета приводит, и море именует не иначе как *Polar Sea, Frozen Sea*.

Природа, действительно, во многом определила своеобразие и особенность Архангельского края. Регион, центром которого Архангельск являлся, иностранцы описывают как край земли, удаленный от центра России (даже для самих русских) и отделенный от него бескрайними лесами. А на север и восток от стен Архангельска простирается «пустыня льда и снега», где нет ни деревень, ни дорог, ни полей. Город примостился на узкой полоске земли вдоль берега Двины, упираясь с одной стороны в болота и тундру, где живут уже самоеды, а с другой — в студеное Белое море.

Но при этом большинство авторов развивает мысль, что этот северный край является заповедной территорией, где не было ни чужеземных завоеваний, ни крепостного права. Именно здесь сохранилась «чистая славянская раса», родная речь и древние традиции. «Они никогда не склонялись под татарским игом, не научились подчиняться немцам. У них не было ни господ, ни рабов. Они держались своей древней жизни». Диксон объясняет этот феномен не только удаленным расположением, но и тем обстоятельством, что эта территория была колонизирована Великим Новгородом, когда он еще являлся свободным городом, и его колонии сохранили эту «хартю вольности». Поэтому «изучение России должно начинаться с северной ее полосы» [5, с.15].

Грэхем также не случайно оказался в Архангельске. До этого британский путешественник уже провел около года в России, но его друзья считали, что ему следует поехать

на Север, «где подлинная Россия сохранилась в лесах как во льду, где нет ни железных дорог, ни контактов с современным миром XX века» [7, с. 8].

Летбридж рассуждая о притягательности Русского Севера, акцентирует на том, что из-за суровых природных условий эта территория не привлекала богатых землевладельцев, поэтому была «возможность расти сильным, свободным, независимым. Русский северянин — это в высшей степени образец гуманизма» [8, с. 6].

Но с другой стороны, отдаленность города привела к тому, что Архангельск являлся фронтиром, местом ссылки политических, что отмечено в большинстве сочинений.

В недавние времена нередко можно было услышать такую характеристику Архангельска — «треска, доска и тоска». Иностранные авторы вряд ли были знакомы с таким мнением, но у всех прослеживается некоторое разочарование от первой встречи с городом, они явно ожидали увидеть нечто большее. Понятно, что восприятие всегда очень субъективно и зависит от многих обстоятельств. Отметим также, что женский и мужской образы города отличались. Напомним, что для англичанки это был унылый город, сходное мнение высказывает и попутчица Летбриджа из Польши, которая очень удивлялась, зачем он едет в Архангельск, когда «есть целый мир». Однако если на одних путешественников город не произвел впечатления, то в памяти других он сохранил свой особый облик.

Основными характеристиками Архангельска для английских наблюдателей являются река, которая была частью города, множество судов и рынок, много иностранцев и одновременно большое количество церквей, религиозность жителей, деревянные дома и мостовые, и, конечно же, белые ночи или долгая зима. Это и открытый для контактов портовый город, но одновременно и изолированный (льдами, лесами, болотами, расстояниями). Это город на границе природы и культуры. Архангельску очень соответствуют строки Ю.М. Лотмана, которые он писал о Петербурге. Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза «земля/небо», а оппозиция «естественное — искусственное». Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею. Если «концентрические» структуры тяготеют к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное, то эксцентрические — к разомкнутости, открытости и культурным контактам [3, с. 209]. Архангельск включал в себя разные образы, неслучайно пространство города ограничивалось с одной стороны монастырем, а с другой — Соломбалой, где была сосредоточена портовая жизнь. Эти образы не изменились на протяжении почти столетия. По описаниям чувствуется дух пусть провинциального, но какого-то особенного города.

Город был наполнен своими особыми звуками и запахами, красками и архитектурными формами непривычными для западного человека. Архангельск для Диксона не является «портом и городом в том смысле, какими являются Гамбург и Гуль, где есть множество доков и ангаров, домов, складов, идет активная торговля. Архангельск же — это лагерь хижин, скопившихся вокруг группы колоколен, куполов и шпилей» [5, с. 26]. И дело не только во внешнем виде, но и в отсутствии привычного для европейца комфорта. Нет (в их представлении) причалов и пирсов, нормальных трапов для спуска на берег, плохие дороги и гостиницы. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «что для англичанина плохо, то для архангелогородца было привычно». Диксон проводит аналогии с Востоком, другие авторы — с древней Англией.

Но в тоже время эта непохожесть для ряда наблюдателей создавала особый, даже мистический образ города. Обратим внимание на названия книг иностранных авторов — «Свободная Россия», «Новая Россия», «Неизвестная Россия», «Душа русского». С одной стороны это свидетельствовало о новой тенденции пересмотра традиционного образа России в глазах британцев. С другой, об увлечении загадочной русской душой, которая стала особенно популярна в Британии в начале XX в. под влиянием русской литературы. Поэтому описания самого города (его достопримечательностей) у путешественников и уходят на второй план, принимая во внимание их убежденность, что все русские провинциальные города одинаковы.

Грэхем был уверен, что «город имеет душу», но не каждому дано это понять. Можно остановиться в отеле в Архангельске или совершить поездку по стране и не увидеть ничего, кроме местного колорита. Бьющая ключом жизнь — это только пелена, непознанная жизнь лежит за поверхностью. Архангельск — мистический город, возможно на такой образ повлияло «странное впечатление спящего города белой ночью» [7, с. 13].

Летбридж также считал, что есть что-то особенно сокровенное в городе, что придает Архангельску собственное очарование, «которое ни время, ни расстояние не могут стереть». Но в отличие от Грэхема, ему кажется, что это «частично из-за семимесячной зимы». В расположении Архангельске нет ничего величественного, здесь нет ни холмов, ни скал. Ряды низких деревянных домов спускаются к воде от сосен, окаймляющих край тундры. Его улицы, как и в большинстве русских городов, непропорционально широки и плохо мощены. В нем нет богатства Южной России и мало черт процветающей Сибири. Несмотря на эти недостатки, у него есть свое очарование и дружелюбие. Простые рыбаки и охотники дают ему сердечность, которой так не хватает британской цивилизации [9, с. 186-188].